

Population of the Central regions of the Russian North (XII—XXth centuries)

The article is a short essay on the ethnic history of the North of Russia; particular attention is paid to the Russian population of the central part of the area. Three areals of the northern Russian culture are singled out within the region.

I. V. Vlasova

© 1995 г., ЭО, № 2

А. А. Зубов

О ФИНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (по данным Российско-Финляндской экспедиции 1991 г.)

Наличие финского антропологического компонента в составе русского населения северных и северо-западных областей России давно известный факт, который как будто не нуждается в новых доказательствах. Однако более углубленный подход к проблеме выявляет много неясного в деталях, относящихся к характеру процессов метисации славянского и финского населения на этой территории в течение ряда веков начиная с конца I тысячелетия н. э. (ориентировочно VIII в.), а также вскрывает некоторые разногласия и противоречия в ходе сопоставления данных отдельных систем антропологических признаков. Все это обязывает антропологов снова и снова обращаться к исследованию северных регионов России, причем внимание к таким исследованиям проявляется как российскими учеными, так и их коллегами из Финляндии, заинтересованными в детальной разработке проблем этногенеза финно-угорских народов и их ближайших соседей.

Сотрудничество между антропологами России и Финляндии осуществляется уже в течение 28 лет, с тех пор как в Финляндии были проведены в 1967 г. первые совместные работы. В последующие годы объединенные Российско-Финляндские экспедиции обследовали ряд этнических и территориальных групп населения в обеих странах. В 1969 г. большая международная группа исследователей (включая российских) работала в Финской Лапландии в районе озера Инари, в 1970 г. была организована совместная экспедиция в Марийскую республику, в 1974 г. — в северо-восточные районы Финляндии, в 1976 г. — в Республику Коми, в 1978 и 1982 гг. были осуществлены выезды со сбором материала в различные районы Финляндии.

Основной темой работ был этногенез финно-угорских народов, но одновременно нельзя было обойти стороной также некоторые соседние регионы, населенные представителями других этносов и являвшиеся в разное время ареной сложных метисационных процессов, в которых принимали участие финно-угры, нередко формировавшие субстратный слой, будучи аборигенным населением. Так, в 1983 г. было исследовано несколько групп башкир, в антропологическом составе которых выявлен финно-угорский компонент, а к 1991 г. сформировалась представитель-

ная Российско-Финляндская экспедиция для работы в Вологодской области с целью анализа особенностей становления и эволюции генофонда местного населения, сложившегося на базе взаимодействия славянских и финно-угорских компонентов.

Экспедиция была проведена в июне 1991 г. в трех небольших городах — Тотме, Кириллове и Устюжне, географическое положение которых позволило составить представление о вариабельности антропологического типа в достаточно удаленных друг от друга точках области — на востоке, северо-западе и юго-западе. Всего было изучено 270 взрослых мужчин и примерно столько же детей-школьников.

Исследование велось по очень широкой программе, половину которой взяла на себя российская сторона, половину — финская. Все организационные вопросы входили в обязанность российских участников экспедиции.

Антрополог и медик из Хельсинки д-р П. Кайянойя, возглавлявший финляндскую часть экспедиционного отряда, выполнял работу по антропометрии и генетическому тесту РТС (вкусовой тест на чувствительность к фенилтиокарбамиду) совместно со старшим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Н. В. Шлыгиной. Весьма трудоемкий раздел программы, включающий популяционную генетику и биохимию крови, вел д-р П. Систонен (Хельсинки) с лаборанткой Э. Майнио. Им помогала эстонская исследовательница Л. Хеапост (Таллин). По традиции в программу был включен редкий в антропологической практике раздел — офтальмология, который, как всегда, взял на себя известный финский офтальмолог проф. Х. Форсиус (Хельсинки). Как и в ряде прошлых экспедиций, этнорасовой антропометрией и антропоскопией занималась ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН И. М. Золотарева. На этот раз в программу был включен новый раздел — «антропологические аспекты эстетического предпочтения морфотипа», который вела старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Н. И. Халдеева. Она же собирала материал по одонтологии. В одонтологических исследованиях участвовал также (наряду с организационной работой) заведующий Отделом антропологии того же Института А. А. Зубов. Старший научный сотрудник Отдела антропологии Г. М. Давыдова выполняла в основном организационные задачи и наряду с этим занималась некоторыми вопросами биодемографии. Большую работу, связанную с транспортировкой и размещением научного оборудования финской стороны, проводил старший научный сотрудник Петербургского отделения Института этнологии и антропологии РАН В. И. Хартанович. Московская студентка Е. Печенкина собирала материал по дерматоглифике, который был передан в Отдел антропологии старшему научному сотруднику Н. А. Долиновой. Проводилась также антропологическая съемка (фото в трех нормах), входившая в обязанности Э. Ирегрена (с финской стороны) и А. А. Зубова (с российской стороны).

В течение нескольких месяцев материал находился в обработке, а в мае 1992 г. исследователи собрались на симпозиум в Хельсинки, где были доложены основные результаты экспедиции. Подготовленные доклады послужили основой коллективной монографии «Физическая антропология и популяционная генетика вологодских русских», изданной в 1993 г. в Хельсинки на английском языке¹.

Разумеется, в одной статье невозможно проанализировать результаты работы экспедиции по всем разделам. Поэтому я остановлюсь лишь на общих выводах большинства исследователей и, как одонтолог, уделю основное внимание одонтологической части программы.

Прежде всего несколько общих слов по поводу основной задачи исследования, а именно по проблеме финского компонента в составе изученного населения. Нужно сразу сказать, что результаты обработки материалов по большей части разделов дали положительный ответ на вопрос о наличии этого компонента в русском населении рассматриваемой территории, однако о стопроцентном совпадении мнений говорить нельзя.

В статье, помещенной в указанной монографии, П. Кайянойя и Н. В. Шлыгина пришли к заключению, что славянское население, мигрировавшее в пределы территории Вологодской области, занятые финно-угорскими группами в течение

последнего тысячелетия, было менее многочисленным по сравнению с местной, аборигенной финно-угорской популяцией. Во всяком случае, генетический (и биологический) вклад финно-угров в антропологический состав современных вологодских русских был весьма значителен: эти северные русские группы оказались очень близкими к финнам Финляндии².

Сходные результаты дает дерматоглифика. Н. А. Долинова на основании сравнительного анализа ряда северных групп, включая вологодские, методом главных компонент пришла к выводу, что русские северных регионов очень близки к финно-угорским народам Северной Европы по комплексу дерматоглифических признаков³. При этом особенно подчеркивается сходство с коми.

В статье, посвященной сравнительной популяционно-генетической характеристике вепсов и карел в сравнении с вологодскими русскими, Л. Хеапост (Таллин) выявила большую генетическую близость русских Вологодской области с карелами, что, по мнению эстонской исследовательницы, свидетельствует о наличии финно-угорского субстрата в составе населения территорий между зоной расселения балтийских финнов и ареалом обитания восточных финно-угорских народов⁴. Нужно заметить, что в данном случае вывод, касающийся карел, может иметь более широкое значение и относиться не только конкретно к генетическому родству вологодских русских и карел: Л. Хеапост в этой же работе подчеркивает большое сходство карел и вепсов, что позволяет не обязательно связывать данные о финно-угорском субстрате только с каким-либо одним определенным этносом.

Данные офтальмологии редко используются в качестве таксономических критериев, будучи в сильной степени подвержены влияниям средовых факторов. Однако материалы экспедиции в некоторых случаях позволили проф. Х. Форсиусу заметить, что вологодские русские характеризуются показателями, которые ставят их в один ряд с финно-угорскими народами, иногда — между западными и восточными финнами (окраска радужины, глубина передней камеры глаза)⁵.

Совершенно определенные результаты дал одонтологический анализ материалов Вологодской экспедиции, проведенный Н. И. Халдеевой⁶. Сравнительное исследование с привлечением данных по многим финно-угорским и русским группам было осуществлено с помощью метода средних таксономических расстояний (СТР) и круговой диаграммы. Метод позволяет выявить группы, наиболее близкие к исследуемым выборкам, и расположить их по степени сходства. В пределах круга с радиусом $СТР=1$ помещаются выборки, в среднем отличающиеся от анализируемой на величины, не достигающие уровня статистической достоверности, однако значения СТР от 0,6 до 1 могут свидетельствовать о довольно заметных различиях. Во внутреннем круге с радиусом $СТР = 0,5$ располагаются группы, особенно близкие к исследуемой выборке, причем степень их сходства с последней такова, что речь может идти уже о принадлежности к одной и той же популяции и, во всяком случае, об очень высоком уровне вероятности близкого физического родства. В описываемой работе столь высокую степень сходства по одонтологическим данным показали: с группой из Тотьмы — восточные эстонцы, русские г. Сокол Вологодской области, финны Юго-Западной Финляндии, русские г. Кириллов, вепсы, русские г. Белозерска Вологодской области, русские пос. Сазоново Вологодской области, русские г. Вытегра Вологодской области, западные эстонцы, карелы, русские г. Устюжна; с группой из Устюжны — вепсы, русские г. Кириллова, русские г. Тотьма, восточные эстонцы, карелы; с группой из Кириллова — вепсы, русские г. Тотьма, карелы, восточные эстонцы, русские пос. Сазоново, финны Юго-Восточной Финляндии, русские г. Белозерска Вологодской области, русские г. Устюжна.

Таким образом, в круг групп, обнаруживающих особенно высокую степень сходства с исследованными вологодскими выборками, попали, с одной стороны, финно-угорские группы, в основном западные — вепсы, карелы, эстонцы, финны, с другой стороны, — северные русские, главным образом вологодские, что свидетельствует о достаточно выраженном единстве типа русского населения исследуемой территории.

Интересно отметить, что в работе латвийской исследовательницы-одонтолога Р. Гравере ⁷ русские Белозерска и Вытегры характеризуются «классическим» северным грацильным комплексом, достоверно связанным с финно-угорскими народами. Как можно видеть, именно эти группы оказались наиболее близкими к исследованной нашей экспедицией в 1991 г. Таким образом, одонтология дает веские аргументы в пользу вывода о широком распространении комплекса, свойственного финно-язычным народам, среди русского населения Вологодской области.

К достаточно впечатляющим результатам по сумме одонтологических признаков хочется добавить от себя некоторые соображения, основанные на анализе распределения отдельных признаков этой системы в исследованных группах. При этом совсем не обязательно рассматривать весь набор одонтологических фенотипов. В данном случае нужно взять только два — коленчатую складку метаконида первого нижнего моляра и четырехбугорковый вариант этого же зуба. Именно эта пара фенотипов особенно ярко характеризует финно-угорские группы, являясь «ключом» к их определению и классификации. Если сопоставление по сумме признаков дает общую картину степени сходства групп, несколько сглаживая различия в деталях, анализ отдельных, притом важнейших фенотипов позволяет судить о соотношении ключевых (в данном случае субстратных) показателей в исследуемом конгломерате выборок.

Материал, полученный Российско-Финляндской экспедицией в трех пунктах Вологодской области, обнаруживает определенную гетерогенность в проявлении названных выше морфологических особенностей. Выборка из Тотьмы характеризуется весьма высокими по европейскому масштабу частотами обоих признаков (коленчатая складка 25%, редуцированный 4-бугорковый первый моляр 20%). Такое сочетание позволяет без колебаний отнести ее к «классическому» северному грацильному одонтологическому варианту, иначе говоря, констатировать полное сходство с западными финскими этносами, такими как вепсы, карелы, эстонцы (восточные), финны-суоми большинства районов Финляндии. Выявление элементов каких-либо других одонтологических комплексов и вообще какой-либо специфики, отличающей выборку Тотьмы от круга названных групп, не представляется возможным. Вместе с вологодскими группами из Белозерска и Вытегры она могла бы быть охарактеризована как «одонтологически чисто финская», если однозначно связывать описанный комплекс только с одним конкретным этническим базисом.

Сложнее обстоит дело с идентификацией одонтологических комплексов Кириллова и Устюжны. В отличие от Тотьмы, в их ключевой паре признаков наблюдается резкое падение частот одного из них — редуцированного первого нижнего моляра (Кириллов — 5,2%, Устюжна — 0,0%!). Проще всего было бы отнести это явление за счет влияния средневропейского комплекса, свойственного славянам и балтам и имеющего как раз низкие частоты названного фена, но такое заключение вряд ли было бы исчерпывающим решением проблемы. Дело в том, что процент второго ключевого фена — коленчатой складки метаконида — в обеих группах высок (Устюжна — 16,1%, Кириллов — 20,6%), что не увязывается с гипотезой средневропейского комплекса. Р. Гравере в упомянутой выше работе пришла к выводу, что население российского Северо-Запада включает не два, а четыре одонтологических компонента. Один из них, названный балтийским, был обнаружен у русских Псковской и Новгородской областей. Он отличается высоким процентом редуцированных форм первого нижнего моляра и низкой частотой коленчатой складки.

В исследованных нами трех группах Вологодской области, равно как и во всех ранее изученных вологодских выборках, этот тип не представлен совсем. Следующий, уже упоминавшийся выше комплекс — северный грацильный — обнаружен в ряде районов Вологодской области и интерпретирован как яркое проявление финского субстрата. Третий тип — средневропейский, как мы видели, в Вологодской области идентифицируется с трудом. Его влиянию можно было бы приписать полное отсутствие лопатообразных резцов и редуцированных первых

нижних моляров в Устюжне. Определенный компонент его может присутствовать и в группе из Кириллова, но там доказать присутствие такого комплекса труднее.

Четвертый тип, выделенный еще в 70-х годах Р. Гравере, — так называемый «североевропейский реликтовый», отличающийся слабoredуцированными первыми нижними молярами и умеренно повышенным процентом коленчатой складки, т. е. комплексом, как раз близким к тому, который мы наблюдаем в Устюжне и Кириллове. Р. Гравере констатировала наличие «островков» этого типа среди русского населения Северо-Запада России. Дальнейшие исследования этого автора показали, что «у северозападных русских... наиболее сильно выявляется сочетание признаков североевропейского реликтового одонтологического типа, указывающее на наличие у них древнего местного компонента⁸. Тип был назван «реликтовым» в связи с тем, что он восходит к древнейшему населению региона. В частности, он в полной мере представлен в краниологической серии из позднемезолитического могильника Южный Олений Остров. Компонент этого типа в средневековых славянских могильниках и у современных северо-западных русских Р. Гравере связывает с древним неолитическим населением этого края. До сих пор считалось, что североевропейский реликтовый комплекс так же, как северный грацильный, маркирует финно-угорские группы.

Из всего сказанного выше вытекает несколько неожиданное заключение, что оба одонтологических комплекса, зафиксированные в составе русского населения Вологодской области, связаны с финно-угорским субстратом. Создается впечатление, что этих двух одонтологических вариантов достаточно, чтобы объяснить все межгрупповое разнообразие региона, что без средневропейского компонента словно бы «можно обойтись», иначе говоря, исчезает маркер славянского антропологического компонента. Г. Гравере, правда, констатировала наличие средневропейского комплекса в северо-западных областях России в достаточно четкой форме, но только в двух группах (Луга, Западная Двина), а в средневековых славянских краниологических сериях этот вариант отмечен один раз — на черепаках славян из курганных могильников XI—XIV вв. в Сланцевском районе Ленинградской области. Сложность выявления зубного комплекса, который можно было бы надежно связать со славянами, латвийская исследовательница объясняет неоднородностью антропологического и этнического состава населения Северо-Запада на протяжении всего I и первой половины II тыс. н. э.

Хотелось бы добавить, что для объяснения «исчезновения» славянского одонтологического маркера необходимо внести некоторые методологические коррективы в трактовку соотношения одонтологических типов населения России. Дело в том, что средневропейский одонтологический комплекс у русских определенно зафиксирован в южных и некоторых центральных областях России, на основании чего он и был связан с русским этносом в целом, что, по-видимому, нуждается в достаточно серьезных уточнениях и поправках. В северных регионах славянские племена, вероятно, изначально формировались главным образом на местной основе, характеризующейся древними северными одонтологическими комплексами, ставшими особенно характерными для финно-угров как типичных представителей аборигенного населения. Таким образом, метисация между славянами (русскими) и финнами на протяжении долгого времени часто могла сводиться к взаимодействию сходных одонтологических типов, связываемых теперь с финнами. Кроме того, надо учесть, что славянизация (или «индоевропеизация») Северного края проходила в течение длительного времени, в несколько этапов. Славянизированные ранее «генетические» финны, вероятно, нередко вступали в контакт с группами «этнических» финнов уже как носители славянского языка и культуры, причем метисация в этом случае мало что меняла в местном морфотипе. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из работы Е. А. Рябина «Этнокультурная ситуация на Северо-Западе РСФСР в эпоху средневековья». Этот исследователь пишет о славянизации Белозерского края: «В XII—XIII вв. усилился приток населения из Верхневолжья, состоявшего из славян и обрусевших волжских финнов»⁹. Учитывая эти факты, равно как и местные корни северных

славянских племен, можно понять, что средневропейский одонтологический тип мог не проявиться в этой сложной системе длительного взаимодействия групп, сформировавшихся в одонтологическом отношении в какой-то мере на одной и той же древней местной основе, включающей северный грацильный и северо-европейский реликтовый комплексы. Последние, очевидно, правильнее связывать не только с финноязычным населением, но также с частью русского этноса как присущий последнему компонент, а не как сравнительно позднюю примесь. К такому довольно неожиданному для одонтологов выводу приводит анализ вологодских материалов.

Значительный удельный вес средневропейского комплекса мог бы возникнуть в типе северных русских только в том случае, если в какой-то период истории края имела бы место массовая миграция с юга России, либо со стороны балтских народов. На деле масштаб таких событий, очевидно, был незначителен, так что сложные этногенетические процессы в пределах Северного края происходили в основном за счет местных древних вариантов фенетической изменчивости.

Из всего сказанного можно вывести заключение, что одонтологический материал несомненно подтверждает наличие очень существенной доли местного субстрата в составе населения Вологодской области, однако трактовка характера этого субстрата не сводится к определению его роли в прямом взаимодействии двух компонентов, связанных с финнами и славянами. Сам по себе субстрат состоит из гетерохронных и гетероморфных элементов, которые придали ему «многослойный» облик. Очень большая часть этого политипического формирования несомненно принадлежит финским этносам, но какая-то доля может считаться органично присущей издревле и северным славянским популяциям, что, конечно, затрудняет количественную оценку финского и славянского компонентов при одонтологическом анализе.

Завершив изложение выводов тех разделов антропологической программы, которые дают положительный ответ на вопрос о наличии доли местного древнего субстрата в составе русского населения Вологодской области, следует сказать и о результатах либо неопределенных, либо отрицательных, полученных некоторыми участниками Вологодской экспедиции.

Группа генетиков и биохимиков из Хельсинки, возглавляемая д-ром П. Систоненом, после обработки полученных данных сделала довольно осторожные выводы. По некоторым показателям, полученным этими исследователями, несколько выделяется устюженская группа. В частности, авторы особенно подчеркивают наличие антигена U¹ системы Kell в этой выборке. Этот антиген в Европе обнаружен исключительно среди финно-угорских народов. Финские коллеги объясняют этот факт влиянием финно-угорского субстрата, перекрытого славянскими миграциями на рубеже I—II тыс. н. э. Но тут же делается оговорка, что антиген может быть следствием поздних контактов с карелами, населяющими соседнюю Тверскую область. По данным группы Систонена, исследованные вологодские группы близки к финнам и эстонцам по частоте гаплотипов MNS, антигена Fu_a системы Duffy, некоторых фенотипов антигена Lewis¹⁰. Однако авторы предпочитают не высказываться прямо о значении этих результатов для решения проблемы финно-угорского субстрата у русских Вологодской области.

Наконец, в целом, скорее отрицательный ответ на рассматриваемый вопрос содержится в работе И. М. Золотаревой, проводившей в составе Вологодской экспедиции сбор материала по расовой антропометрии и антропоскопии. В статье, помещенной в упомянутой коллективной монографии, И. М. Золотарева приходит к выводу, что вологодские русские относятся к верхневолжскому типу (по М. В. Витову). Никаких проявлений ильменско-беломорского типа в их составе не обнаружено. Не выявлено также влияния вятско-камского типа, имеющего некоторые черты уралоидного (лапоноидного) комплекса. Далее следует заключение: «На основании нашего материала можно считать, что генетические связи вологодских русских имеют корни на юге. Морфологически они, вернее всего, связаны с валдайским типом»¹¹.

Таким образом, мнения участников экспедиции по поводу финно-угорского субстрата у вологодских русских не сводятся к единому суждению. Впрочем, этого следовало ожидать: какой-либо феномен в популяции, отражающий историю формирования последней, редко проявляется одновременно по всем системам признаков. Именно в этом причина стремления антропологов к комплексным исследованиям. В данном случае, несмотря на несколько неоднородный характер информации, даваемой разными системами маркеров, в целом следует считать поставленную перед экспедицией задачу успешно выполненной.

Помимо отмеченной выше гетерогенности таксономических критериев одной из причин кажущихся разночтений по результатам ряда разделов программы является также недостаточная изученность закономерностей метисационных процессов, которые протекают по-своему в каждом конкретном случае в зависимости от участвующих компонентов, численности взаимодействующих групп, генетических характеристик признаков. При этом неоднородность условий взаимодействия неодинаково сказывается на различных системах. Полное совпадение всех разделов программы в антропологии никогда не имело места и вряд ли вообще достижимо. Однако при этом все таксономические критерии хорошо дополняют друг друга, давая особую, неповторимую информацию и «рассказывающую» о разных этапах и специфике изучаемых процессов на «своих языках», которые не всегда удается сразу полностью расшифровать, но несомненно можно будет гораздо глубже понять по мере накопления новых фактов.

Примечания

¹ Physical anthropology and population genetics of Vologda Russians/Ed. Kajanoja P. The Finnish Anthropological Society//Transactions. Helsinki, 1993. N 32.

² Kajanoja P., Shlygina N. V. Somatology and phenylthiocarbamide (PTC) test ability among Vologda Russians//Physical... P. 33.

³ Dolinova N. A. Dermatoglyphics of the Vologda Russians//Physical... P. 82.

⁴ Neapost L. Population genetic characterization of Vepsians and Karelians//Physical... P. 76.

⁵ Forsius H., Fellman J., Khartanovich V. I. Anthropological studies on the eye in Vologda//Physical... P. 92.

⁶ Haldeyeva N. I. Dental morphology of Russians in Vologda Region//Physical... P. 105.

⁷ Гравере Р. Формирование одонтологических комплексов северо-западных русских//Балты, славяне, прибалтийские финны. Рига, 1990. С. 181.

⁸ Там же. С. 164.

⁹ Рябинин Е. А. Этнокультурная ситуация на Северо-Западе РСФСР в эпоху Средневековья//Балты, славяне, прибалтийские финны. Рига, 1990. С. 213.

¹⁰ Sistonen P., Mainio E., Lukka M., Sajantila A. Blood groups and other genetic blood markers in the Vologda Russians//Physical... P. 58.

¹¹ Zolotareva I. M. Somatological characteristics of the Vologda Russians among the anthropological types of the Northern Russians//Physical... P. 21.

On the Finnish component of the anthropological type of the Vologda region population (Russian-Finnish 1991 expedition data)

The article describes and analyzes the materials collected during the 1991 international Russian-Finnish expedition to three areas of Vologda region of Russia: the cities of Totma, Ustyuzhna and Kirillov. Special attention is given to odontological data, although a broad anthropological investigation program had been applied, including anthropometry, anthroposcopy, dermatoglyphics, biochemistry, and serology. Most of the features studied corroborate the hypothesis that there exists a Finnish substratum in the anthropological type of the region's population. The only data that do not contain any positive corroboration of the hypothesis are anthropometric and anthroposcopic data gathered by I. M. Zolotareva.

A. A. Zubov